

УДК 821.161.1-31 (Гончаров)

А. Т. Малиновский

**«ПИСЬМА СТОЛИЧНОГО ДРУГА К ПРОВИНЦИАЛЬНОМУ
ЖЕНИХУ» И. А. ГОНЧАРОВА:
СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА**

В статье рассматривается семиотическое пространство знакового для русской прозы 1840-х гг. текста И. А. Гончарова. Акцентируется внимание на проблеме семантической границы и "модном" дискурсе в данном произведении. Также анализируется жанр в том аспекте, в каком он способствует пониманию семиотического пространства

Ключевые слова: семиотическое пространство, жанр, «модный» дискурс, знаковый.

Возможность семиотического прочтения текста Гончарова обусловлена как его внутренними свойствами, так и некоторыми внехудожественными факторами. Мир текста и тот фундамент, на котором он возникает, образуют единое семиотическое поле. Этим обусловлена и актуальность исследования, предметом которого является мир текста Гончарова в семиотическом ракурсе. Применение культурологического и семиотического подходов позволяет увидеть в раннем фельетоне писателя нечто большее, чем типичный образец жанра 1840-х гг. Это текст-код, текст-знак.

Безусловно, его анализ, дешифровка возможны с учетом предшествующего читательского опыта, литературного и культурного контекста. Иначе говоря, предпосылкой включения «Писем...» в семиотическое пространство является «презумпция семиотичности» (Ю. Лотман), т. е. ориентированность реципиента на собственный опыт и на «семиотическую интуицию коллектива» [4, с. 254]. Это смыслопорождающая стратегия, способствующая выработке семиотических значений в тексте, кодированию реалий и примет эпохи, тех или иных черт бы-

тового поведения в образной и повествовательной ткани произведения. Перед нами не просто фельетон или нравоописательный очерк первой половины XIX века. В «Письмах...» Гончарова кодифицируется эпоха, представление о которой складывается из объектов, подвергающихся семиотизации. **Цель данной статьи** - исследовать роль оппозиций «столичное - провинциальное», «центр - периферия» в моделировании семиотического пространства фельетона Гончарова.

Необычность произведения подтверждается не только его содержанием, но и некоторыми преднамеренными попытками автора придать ему особый статус. Избранный Гончаровым способ «функционирования» «Писем...» в литературном процессе сразу указывал на их определенную знаковость, символичность. Текст должен был так или иначе привлечь к себе внимание читающей публики. Не может быть обойден вниманием тот факт, что «Письма...» были опубликованы в особом разделе «Современника», не имеющем прямого отношения к произведениям текущей художественной словесности. Этот раздел был посвящен теоретическим, практическим и историческим вопросам европейской и русской моды. Освещение «модных» тенденций эпохи, однако, сопряжено с крайним нежеланием автора объективировать себя, продемонстрировать свою причастность к изображаемому. Именно поэтому «Письма...» были опубликованы анонимно (Анонимной была публикация не только «Писем столичного друга к провинциальному жениху», но и большинства других произведений Гончарова 1840-х гг., в период активного сотрудничества автора с журналом «Современник»). По-видимому, такое дистанцирование автора от своего текста является в определенной степени преднамеренным. Это своеобразная игра автора, пожелавшего спрятать, утаить от читателей личину вполне светского человека. Гончаров настолько «отчуждает» от себя им написанное, что в дальнейшем даже не включает его в свои собрания сочинений. Безусловно, не только игра определяет авторское поведение. Существовал еще и высший смысл предпринятого Гончаровым замысла. В «Письмах...» дана эстетика идеала писателя, сосредоточенного на поиске внутренней красоты, «идеальной» реальности, доступной лишь немногим. Преодоление «бездны» между идеалом и действительностью, стремление к нравственному совершенству и является целью автора. Этой цели придается едва ли не телеологический смысл. Возможно, поэтому Гончаров самоустранился не только из текста, но и из контекста, придавая тем самым своему произведению самостоятельный, независимый от авторской воли, статус.

Такая авторская стратегия коррелирует с избранной жанровой формой, отвечающей не только «позитивистскому» духу всей русской словесности 1840-х гг., но и личной позиции Гончарова. Перед нами фельетон в письмах, парадоксально сочетающий объективный и субъективный принципы подачи материала. Поскольку в данной статье речь специально не идет о жанровом корпусе «Писем...», то выделим лишь некоторые аспекты жанра, связанные с типом авторского поведения, коммуникации с читателем, спецификой расположения материала.

По форме Гончаров, действительно, создает письма. Их автором является некий А. Чельский, задумавший преподавать урок «великой науки умения жить» своему неразвитому другу Василию Васильевичу. Однако написанные с этой

целью письма далеки от частной дружеской переписки, они приближаются скорее к своеобразным эстетическим универсалиям эпохи, знаковым словесно-художественным конструктам. Само заглавие произведения погружает читателя в определенное семиотическое пространство, в котором четко прослеживается граница между двумя полярно противоположными мирами. За каждым из персонажей, представляющих разные типы мировосприятия, уклады жизни, сословно-общественную психологию, закрепляется комплекс пространственности. На нем, собственно, и основано различие, противопоставление столичного жителя А. Чельского и его друга провинциала. Они абсолютно по-разному смотрят на одно и то же. Знающий толк в кодексе правил и норм светского общежития Чельский выступает сторонником всего нового, прогрессивного, имеющего отношение прежде всего к социальной и культурной сферам. Его мнимый оппонент Василий Васильевич в большей степени причастен вечному, он пытается хотя и тщетно, удержать *«некие метафизические границы человеческого бытия»* [6, с. 62]. Ценностно-смысловая иерархия столичного жителя ему чужда, хотя он и становится временно своеобразным его подражателем поневоле. Но так или иначе, *«для провинциальной культуры характерна определенная замкнутость, меньшая восприимчивость к инородным культурным влияниям по сравнению со столичной культурой, и отсюда большая открытость вовнутрь, способная формировать феномен “духовной оседлости”...»* [6, с. 61].

Пространственный аспект в тексте Гончарова выражается не только в резкой поляризации центра и периферии, большого и малого миров, но также в указании направленности движения. Разумеется, подобная конкретизация связана также и с временным планом, хотя здесь он играет далеко не ведущую роль. Свои письма столичный житель адресует другу, живущему в провинциальном захолустье. Причем движение это одностороннее, поскольку ответных писем нет, точнее, они не обретают статуса актуального коммуникативного события. Однако присутствие признака направленности формирует *«внутреннее пространство семиосферы»*, состоящее из *«конфликтующих структур»* [4, с. 257]. Это пространство «наше», «свое», «культурное», «безопасное», «гармонически организованное» и одновременно это «их-пространство», «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотическое» [4, с. 257].

В таком семиотическом контексте и разворачивается акт письма, резонерствующий автор которого владеет тайными пружинами и механизмами светской жизни и берется наставлять и учить своего друга-профана. При этом все три письма А. Чельского имеют разную структуру и восходят к разным жанровым традициям. В первом письме предпринимается опыт классификации принадлежащих к высшему сословию людей. Текст строится на предельно четком, логически выверенном соотношении четырех типов модников, или «типов хорошего общества», знатоков «умения жить». Ведущим в их изображении является принцип иерархичности, градации, предполагающий неоспоримое преимущество одного типа над другим, например, порядочного человека над франтом. Каждый из представленных типов, усвоив отведенную ему роль в обществе, пытается все же выйти за рамки своего амплуа и соприкоснуться со сферой «не своего», «чужого». За исключением порядочного человека, для всех остальных освоение более прогрессивной идеологии оборачивается негативным опытом.

Первое письмо является своеобразным прологом к постижению премудростей светской жизни. Оно только лишь «торжественное приготовление», за которым следует сам механизм, внутренняя, изнаночная сторона светскости. Обнажив все тайны «умения жить», автор приходит к неутешительному выводу о несоответствии его провинциального друга внешней стороне светской жизни. Ко второму письму повествование строится на антитезе модного - старомодного, патриархального - цивилизованного, современного - архаичного. В данном случае мы имеем дело с ценностно-смысловой конкретизацией пространственной оппозиции «столичное — провинциальное». Не чуждой стилистике письма оказалась «социальная дидактика» [5, с. 88], сквозь призму которой Чельский переходит к разбору «комиссий» своего друга. Видя в своем провинциальном адресате ничего не смыслящего в моде «циника», автор письма выступает своеобразным «кодификатором условий “хорошего тона”» [5, с. 85]. Он апологет моды в широком смысле слова. Определяя институциональную природу моды, Р. Барт подчеркивает регулярность, повторяемость, массовость этого социального феномена. «Мода представляет собой коллективное подражание регулярно появляющимся новинкам...» [2, с. 396]. Однако как явление массовое она в то же время стирает индивидуальные отличия между людьми, утрачивая признак уникальности, изысканности, неповторимого изыска. Вследствие этого «отличительным понятием осталась одна лишь старомодность» [2, с. 396], на фоне которой и воспринимается мода.

Разбор «комиссий» провинциала осуществляется именно по такому принципу. Подлинным «циником» в глазах Чельского предстает его друг, когда просит о приобретении сервиза из серебра, только не нового, «поэкономнее», и кареты, непременно высокой, а не «вертопрашной». Провинциал руководствуется соображениями качества, прочности сервиза, который может сослужить долгую службу. Он не приемлет всяческие новшества и усовершенствования, поэтому ему ближе неуклюжая карета, похожая на колымагу. Чельский же ценит комфорт и удобство. Он абсолютизирует эстетические качества вещей и предметов. Ему чужд «антикварский» подход провинциального друга. Поэтому в сервизе ценным является фасон и отделка, а не прочность и материал. Карета же должна быть прежде всего удобной, чтоб «не приходилось влезать на нее, как на колокольню». Антитеза между грубыми патриархальными нравами и изящной философией моды проявляется в отношении двух персонажей-оппонентов к голландскому полотну. «Не греком», а «скифом» предстает провинциал, отдающий предпочтение домотканому полотну и не видящий преимуществ тонкого, нежно облегающего тело мануфактурного белья.

В тексте «Писем...» эти оппозиции «объектов» поляризуют разные жизненные уклады, типы культур, психологию. Контраст иногда достигает крайней точки, и персонажи предстают настолько далекими друг от друга, что перспектива их сближения исчезает вовсе. Но доведенное до совершенства, буквально «кодифицированное» «умение жить» Чельского, в свою очередь, становится объектом авторской иронии. Светскость Чельского обнаруживает свою изнаночную сторону в предельной степени цинизма по отношению к провинциальному другу. В результате оба персонажа выглядят *«двумя комическими крайностями»* [3, с. 789], подвергающимися пародийно-ироническому освещению ав-

тора. Оппозиция «столичное - провинциальное» оказывается мнимой и выполняет служебную функцию в построении семиотического пространства.

Однако необходимость движения к идеалу становится насущной задачей автор писем все же надеется на то, что «искра хорошего тона» проникнет в душу его друга, и он почувствует «каждо изящества, порядочности, умения жить...». Для Гончарова же проблема идеала остается открытой. «Письма...» - это лишь один из этапов выработки нравственно-эстетического представления о «порядочном человеке», джентльмене, идеальной норме, красоте.

Выводы. В «Письмах...» Гончарова семиотическое пространство моделируется на разных уровнях. Самоустраняясь из текста, ведя с читателем своеобразную игру, автор предлагает вариант «объективной» картины мира, основанной на серии оппозиций. Анализ самой главной - пространственной - оппозиции произведения свидетельствует о структурной значимости границы в художественном мире Гончарова. Противопоставление модного - старомодного, патриархального - цивилизованного, нового - старого так или иначе нанизывается на структурообразующую семиотическую оппозицию «столичное - провинциальное». Все жизненные явления, быт, строй мыслей оцениваются в зависимости от своей причастности к миру большому или малому, центру или периферии, разделенным семантической границей.

Литература

1. Гончаров И. А. Поли. собр. Соч. и писем : в 20 т. / И. А. Гончаров.- СПб.: Пушкинский Дом, 1997.-Н. 1.-С. 470-493.
2. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. - М.: Изд. им. Сабашниковых, 2003. - 512 с.
3. Калинина Н. В. Примечания к «Письмам столичного друга к провинциальному жениху» / Н. В. Калинина // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах.- Т. 1,- СПб.: Наука, 1997. - С. 785-796.
4. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования, заметки / Ю. М. Лотман. - СПб.: Искусство, 2000. - С. 12-148.
5. Оксман Ю. Анонимные фельетоны И. А. Гончарова / Ю. Оксман / Фельетон. Сборник статей. - Ленинград : ACADEMIA, 1927. - С. 80-93.
6. Столица / Провинция // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. - 2012. - № 3. - С. 55-67.

Малиновський А. Т. «Листи столичного друга до провінційного нареченого» І. О. Гончарова: семіотичний простір тексту

У статті розглядається семіотичний простір знакового для російської прози 1840-х рр. тексту І. О. Гончарова. Акцентовано увагу на проблемі семантичної межі та «модного» дискурсу у даному творі. Також аналізується жанр у тому аспекті, у якому він сприяє розумінню семіотичного простору.

Ключові слова: семіотичний простір, жанр, «модний» дискурс, знаковий.

Malinovsky A. The letters of the friend from a capital to the province fiancé by I. Goncharov's: semiotic space of the text

The article considers the semiotic space of the text by Ivan Goncharov which is significant for the Russian prose of the 1840s. The attention is stressed on the problem of the semantic scope and "fashionable" discourse in this literary work. There is also an analysis of the genre in that aspect which contributes to understanding of the semiotic space.

Key words: semiotic space, genre, significant, "fashionable" discourse.